

ИРИНА ПЕРЕСАДА

МАРЬЯМ

Повесть

Часть 1

Бабушка была для Марьям всем. И мамой, и папой, и подружкой, и воспитательницей. Но самое главное, от бабушки всегда исходило такое необыкновенное тепло, что Марьям словно таяла, когда прижималась к ней. А бабушка обнимала её обеими руками, и они замирали в блаженстве. Марьям несколько раз проверяла, не высокая ли температура у бабушки, что она так замечательно греет. Она подходила к печке и вытягивала руки, чтобы найти расстояние, на котором начинала чувствовать тепло. Потом на этом же расстоянии подходила к бабушке, также вытягивала руки, но тепла, как от печки, не было. Марьям даже ошупывала бабушку, чтобы найти место, где она нагревается. Бабушка не была горячей, но когда Марьям снова прижималась к ней, тепло появлялось, обволакивало её, и снова наступало блаженство. Когда девочка поделилась с бабушкой своими наблюдениями, та рассмеялась и объяснила:

– Гызым (дочка, азерб.), это любовь так греет. Я так люблю тебя, что любовь моя тебя греет и защищает.

– А моя любовь защищает тебя, – отвечала Марьям, и у бабушки появились слёзы.

Молодую женщину, которая жила вместе с ними, Марьям называла Саной, хотя та требовала, чтобы девочка называла её мамой. Где-то внутри себя Марьям чувствовала, что мама – это родное и близкое, почти как бабушка. А Сана была злой, холодной и всегда кричала. Иногда Марьям спрашивала у бабушки, почему Сана живет вместе с ними? Ведь она совсем другая и не похожа на них с бабушкой. Бабушка отвечала:

– А где ей жить, гызым? Она же моя дочь.

– А почему ты такая добрая, а она такая злая?

– Клиентов мало. Она злится поэтому, а злая кому нужна? Клиентам нужны ласковые да умелые, а мать твоя колючая, как ёж. Да и каждого клиента, как получит деньги, готова разорвать на части. Кто ж к ней второй раз придёт?

– Когда я вырасту, я буду ласковая да умелая с клиентами, и они будут мне денег много давать. Да, ненЕ (бабушка, азерб.)?

Бабушка испуганно восклицала:

– Нет-нет, что ты! Убереги Аллах! Ты умница, выучишься, хорошую работу найдешь, хорошего мужа выберешь.

Марьям не понимала, кто такие клиенты, но чувствовала, что её жизнь зависит от них. Иногда Сана приходила домой весёлая, приносила много хорошей еды, бутылку вина и фанту для Марьям. Они все вместе сидели за столом, ели-пили, взрослые смеялись, а Марьям потягивала свою фанту и мысленно просила Аллаха, про которого бабушка говорила, что он всё может, почаще давать Сане клиентов и устраивать им такие чудесные вечера.

В их небольшом посёлке была всего одна школа. Бабушка хотела бы, чтобы Марьям училась в самой лучшей городской школе, но поняла, что не потянет каждый день возить девочку в город и привозить обратно. Она посадила внучку напротив себя и, внимательно глядя ей в глаза, сказала:

– Гызым, я не могу отправить тебя учиться в самую лучшую школу, у меня не получается. Но ты сможешь стать самой лучшей ученицей в обыкновенной школе. У тебя получится, я знаю.

– Да, нене, я сделаю, не волнуйся, – беззаботно ответила шестилетняя Марьям.
– Можно, я пойду во двор, меня девочки ждут.

Марьям училась с удовольствием, ей всё давалось легко. Друзей и подружек у неё было много, она занималась гимнастикой и рисованием. Все своё свободное время бабушка отдавала Марьям, ей очень хотелось, чтобы способная девочка выросла грамотной и получила хорошее образование. Бабушка вместе с Марьям смотрела турецкие каналы, и вскоре девочка овладела турецким языком, тем более, что он был очень схож с её родным. Марьям прекрасно говорила на русском, а в школе с удовольствием учила английский.

Где-то в классе третьем Марьям начала ходить в школу и возвращаться домой вместе с мальчиком из соседнего двора. Амир был на класс старше неё, тоже любил учиться, много читал и всегда по дороге рассказывал что-то интересное. Через какое-то время они уже не представляли себя друг без друга, и это было чистое детское чувство. Как-то Марьям пригласила его домой после школы. Бабушка собиралась сделать кутабы с зеленью и девочке захотелось угостить друга. Бабушка встретила их ласково, сытно накормила. Потом за чаем она подробно расспрашивала Амира о его семье, родителях, братьях-сестрах. Марьям очень понравилось вот так чинно сидеть за столом и любоваться на двух самых близких ей людей, которые спокойно и мирно разговаривают. Кажется, в этот момент она поняла, что означает слово «счастье», а когда Амир ушёл, от души поблагодарила бабушку и похвалила её стряпню. Та долго сидела молча, а потом сказала.

– Гызым, нелёгкая у тебя будет жизнь. Он очень хороший мальчик, но...

Марьям не стала ничего уточнять, потому что в груди у неё летали бабочки, смешно щекотали её своими крылышками, и она боялась их спугнуть.

Перед началом девятого класса Амир поделился с Марьям, что поступил в Исламскую школу, где будет изучать Коран и арабский язык. Он давно мечтал стать историком, а интересовало его буквально всё – от древнего мира до современности.

– Понимаешь, Маша, – он так на русский лад звал её, – это турецкая школа, она бесплатная. А если я проявлю себя, то меня могут пригласить в Стамбул в университет. Это такой шанс! Денег на учёбу у нас в семье нет, а это – и образование, и проживание – всё бесплатно, да ещё и стипендию дадут!

В этот миг Марьям поняла, что им грозит расставание. Странная тёмная волна вдруг захлестнула её, в ушах зазвенело, и, если бы Амир не поддержал её, она бы упала на асфальт.

– Что с тобой, Маша? Что с тобой?

Она пыталась посмотреть ему в глаза, но вокруг всё плыло, двигаясь в ритме какого-то бесшумного вальса.

Амир в Исламской школе учился блестяще, он хотел заработать поездку и учёбу в Турции, но мысль о Марьям ни на день не отпускала его. Каждое утро он провожал её в школу, а потом садился в автобус и ехал к себе на занятия, благо начинались они на час позже. К тому времени оба они прекрасно понимали, чем занимается мать Марьям. Она снимала квартиру неподалёку, где и принимала клиентов. Четыре года

назад она родила мальчика, которого отдала матери, как когда-то отдала Марьям. Она не хотела рожать второго, но клиент, от которого она по неосторожности забеременела, неожиданно предложил оставить ребёнка:

– Мне нравится заниматься любовью с беременной женщиной, кайф совсем другой. – Сана грубо послала его и уже собралась на аборт, как он неожиданно принёс большую сумму денег. – Это на будущее для ребёнка, а за каждый раз я буду платить тебе втрое больше. Но учти, как только родишь – я исчезаю, так что не трать деньги понапрасну сейчас.

Сана подумала, посоветовалась с матерью и оставила ребёнка. На те деньги, что она заработала во время беременности, мать сделала пристройку к их домику и неплохой ремонт. Денег оказалось достаточно, так как отец ребёнка приводил к Сане и своих друзей попробовать «беременного кайфа». Они хорошо платили, но требовали, чтобы проститутка не смела им отказывать ни в каких причудах. Насколько уж Сана не хотела ребёнка, но и она порой опасалась за здоровье малыша после всех их утех. Мальчик, однако, родился красивым и во всех отношениях здоровым. Но по мере того, как он подрастал, бабушка стала отмечать его угрюмость, неразговорчивость, а в некоторых случаях даже жестокость. Отец его сдержал слово – исчез в тот день, когда сын появился на свет. Его друзья ещё приходили некоторое время по старой памяти, но Сана быстро отвадила их, чтобы никто не напоминал ей о жестоких играх во время беременности.

Ни Сана, ни сердобольная бабушка, ни Марьям не полюбили этого красивого русоволосого малыша, только Марьям иногда жалела его, помня, как в детстве её саму любила и дарила ей тепло родная бабушка. А у этого ребёнка не было никого, кому бы он был нужен. В такие моменты Марьям охватывали чувства вины и раскаяния, она обнимала мальчика, начинала целовать и тискать его, приговаривая добрые слова, а он в ответ изворачивался и больно щипал её.

После того, как Марьям окончила девятый класс, Сана потребовала, чтобы дочь «занялась делом»:

– Хватит мой хлеб есть, я в твоём возрасте уже приносила деньги и кормила свою мать. Ты помнишь, – обратилась она к матери, – как ты выгнала меня на работу? Нашла старого пердуна и неплохо продала ему мою девственность. А потом он требовал, чтобы я жила только с ним, а меня выворачивало, как только он входил в комнату. А ты все деньги забирала себе, мне даже конфет никогда не покупала, хотя я ещё ребёнком была – четырнадцать лет! Теперь пусть твоя любимая внученька тоже работает. Мне самой ей клиента найти или ты снова постарайся?

Бабушка спорила с дочерью, но Марьям понимала, что рано или поздно это должно случиться. Ей было страшно даже представить весь грядущий кошмар, ведь она всей душой принадлежала только Амиру. «Я убью себя, если мать попробует сделать это», – в безысходности решила она, однако в глубине души не желала смириться. Девушка постоянно думала и искала выход, и однажды, устав от такого непрерывного внутреннего напряжения и не в силах уже таить его в себе, она рассказала всё любимому. Преодолевая стыд и боль, она посмотрела ему в глаза и спросила:

– Что нам делать? Что мне делать?

– Завтра я приду к вам, – помолчав, сказал парень, потом развернулся и ушёл.

– Нене, – заговорила Марьям с бабушкой. – Завтра Амир придёт к нам. Я ему всё рассказала.

– Вай, Аллах! – закрыла рот рукой бабушка. – Какой стыд! А зачем он придёт?

– Не знаю. Он не сказал.

– Ну, позвони, спроси!

– Не могу. И не буду, – добавила Марьям. – Мать позови.

– Что вы задумали, гызым? Зачем тебе мать?

– Я не знаю, что он скажет, но чувствую, что мать нужна будет.

На следующий день к приходу Амира мать и бабушка молча сидели за накрытым к чаю столом. Когда раздался дверной звонок, Марьям вскочила и бросилась к двери, но бабушка резко остановила её:

– Я сама открою.

Из прихожей раздался её приторно-ласковый голос.

– Заходи, дорогой! Давно ты у нас не был, мы как раз чай пьём.

В комнату они зашли одновременно – спокойная бабушка и красный от волнения парень. Бабушка усадила его за стол, налила чаю, положила кизилового варенья. Амир сел, помолчал и, волнуясь и торопясь, начал:

– Я люблю Марьям. И она меня любит. Мы любим друг друга. Я хочу, чтобы она стала моей женой. Я прошу её руки ...и вашего согласия. Я поговорил со своим учителем в школе, он мулла, и он согласен заключить кябин (религиозная регистрация брака). А это, – он вытащил из кармана свёрток, – деньги. Выкуп за невесту. Вы же хотели его получить...

Амир, покраснев ещё больше, подвинул свёрток к Сане. Та в возмущении открыла было рот, но её опередила бабушка. Она встала со стула, крепко сжала плечо дочери и ответила Амиру:

– Сынок, это так неожиданно. Вы ещё учитесь в школе, ты хочешь ехать в Турцию, и тут женитьба... Как это всё сложить? А где жить будете? А что твоя мать скажет? – отец у Амира давно умер.

– Мы обручимся и заключим кябин. Марьям будет моей невестой. Жить она будет у вас, а я буду давать деньги. Это, – он кивнул на свёрток, – я заработал сам, переводами. У меня к языкам способности. Откладывал понемногу на Турцию. Я ещё матери помогаю. Я перевожу, а младший брат на мойке машин после школы подрабатывает... Я не хочу, чтобы Марьям работала, – он снова покраснел, потом поднял голову и посмотрел на Сану, – так, как вы... Извините...

Сана попыталась резко подняться, но мать властно удержала её на месте.

– Да, сынок, это не самая лучшая работа. Я всё время мечтала для Марьям о другой работе, она умная девочка и достойна большего. Я знаю, что с тобой она не пропадёт. Завтра мы скажем тебе ответ. А это, – теперь бабушка кивнула на свёрток с деньгами, – заberi.

– Нет, – покачал головой Амир, – это – наша гарантия. Спасибо за чай. Завтра я зайду за ответом.

Парень встал из-за стола и вышел. Марьям бросилась за ним, догнала в прихожей и зарыдала у него на груди. Он ласково гладил её по голове и тихо приговаривал:

– У нас всё образуется, Маша, я люблю тебя. Аллах всегда на стороне любящих...

После окончания школы Амира, как он и мечтал, пригласили учиться в Турцию, в Стамбульский университет. Все расходы за обучение и проживание Исламская школа, где он был самым лучшим учеником, взяла на себя.

Перед ним открывалась новая жизнь, но он сожалел, что рядом ещё долго не будет его Марьям.

– Маша, не плачь, – говорил он ей, уезжая, – тебе остался учиться год. Я соберу деньги за это время, и ты тоже приедешь учиться в Стамбул. Когда ты станешь совершеннолетней, мы заключим и официальный брак. Думаю, твоя мать не будет возражать.

– Моя мать, наверное, не будет, но твоя не любит меня. Я для неё всего лишь дочь проститутки, а ты достоин лучшего....

– Маша, я буду тебе писать каждый день. А когда сможем купить компьютеры, будем и переговариваться каждый день. Помни, что перед Аллахом мы – муж и жена, и никто не сможет этого изменить.

Миниатюра художника Габилы Гуламова

Миниатюра художника Габилы Гуламова. Сказки расскажи кому-нибудь другому, – стала кричать женщина. – Забудь моего сына навсегда! У него уже есть достойная девушка!

Дверь с громким стуком захлопнулась перед носом у Марьям. Она стояла, словно вся оплыванная, держась руками за грудь, откуда рвалось наружу обиженное сердце. Она медленно спустилась по ступеням и побрела по улицам посёлка. Мысли и чувства спрессовались внутри в колючий тугой шар, пытавшийся разорвать ей грудь. Неожиданно девушка подняла от земли глаза и увидела вывеску «ПОЧТА». Повинуясь какому-то десятому чувству, она толкнула дверь и вошла. Навстречу ей шёл почтальон. Увидев Марьям, он расплылся в улыбке:

Амир уехал и исчез. Сначала Марьям спокойно ждала его писем, потом стала волноваться, потом постоянная тревога за него не отпускала её ни днем, ни ночью. Как-то утром перед школой она набралась храбрости и пошла в дом «свекрухи», как бабушка называла мать Амира. Та открыла дверь и, загородив проход, надменно спросила:

– Чего тебе?

– Здравствуйте! Я не получаю от Амира никаких вестей. С ним всё в порядке?

– Слава Богу, всё в порядке. А каких вестей ты ждёшь? Почему он должен писать тебе? Амир умный мальчик, он рад, что наконец избавился от тебя и вашей ... семейки, – женщина употребила грязное слово, и у Марьям затряслись губы.

– Почему вы меня ненавидите? Я вам ничего плохого не сделала, я – жена Амира перед Аллахом, хотя он даже пальцем до меня не дотронулся за всё это время. Дайте мне его адрес.

– Ах, какая девственница нашлась! Эти сказки рас-

– Красавица, сегодня сама за почтой пришла? – радостно воскликнул он, но скорбное лицо девушки испугало его. – С бабушкой что-то случилось? Заболела?

– Нет, – стараясь взять себя в руки, ответила Марьям, – двойку получила.

– Что такое двойка, когда такой парень любит тебя, почти каждый день пишет! – облегчённо выдохнул мужчина. – Вот сегодняшнее письмо. Сама возьми, пусть бабушка уж не приходит.

Марьям медленно протянула руку, взяла конверт, надписанный родной рукой, и застыла. Сквозь туман обиды, боли и тревоги постепенно стала проявляться правда.

– Вы больше не беспокойтесь, я сама буду заходить. Пусть и бабушка отдохнёт, у неё столько хлопот с моим братиком.

– Да они всегда вместе и приходят, когда на прогулку идут. Какой красивый у тебя брат! Да ты и сама – принцесса! – почтальон откровенно залюбовался Марьям. Невысокая, с ладной фигуркой, чёрными непослушными волосами, ореолом обрамлявшими её голову, она явно производила впечатление. Но самым необыкновенным в ней были глаза. Огромные, почти круглые, полуприкрытые тяжёлыми веками с длинными ресницами, они притягивали и словно что-то обещали. Девушка сама ещё не понимала всей своей привлекательности и манкости. Она кивнула почтальону, развернулась и вышла. Конверт жёг ей руки, однако открыть его не было сил – Марьям боялась встретиться с тем, о чём сказала свекруха: у Амира есть другая... Но когда она, присев на скамейку в сквере, всё же прочитала письмо, тревога отпустила её. Амир её любил, он ласково пенял на её молчание, думая, что она перегружена учёбой и не имеет времени отвечать на письма. Он с юмором описывал свой учебный день, своих друзей и преподавателей. Это письмо было продолжением его рассказа о жизни в другой стране. Рассказ начался в его письмах много дней назад, но был, увы, ей недоступен... Марьям возвращалась домой со смешанным двойственным чувством – она вновь обрела любимого и столкнулась с предательством родного человека – обожаемой бабушки...

– Отдай мои письма, – это были её первые слова, когда она вошла домой. По её лицу бабушка поняла, что девушка всё знает.

– Гызым, это всё для твоего же блага...

– Отдай мои письма!

– Мы хотели как лучше, ты же понимаешь, что вы не пара...

– Отдай мои письма!

– Мы живём сейчас, кто знает, что будет завтра, вы молодые, ещё десять раз полюбите...

– Никогда! Отдай мои письма!

– У меня их нет.

– Принеси.

– Их уже нет, – ответила бабушка, и в этот момент братик подбежал к стенной печке, обогревавшейся газовым пламенем, и стал указывать на железную дверцу – там!

Марьям с надеждой рванулась к печке, распахнула её и увидела лишь груды пепла...

– Ты читала? – по отвернувшемуся лицу бабушки она поняла, что та читала все письма. – И мать тоже?

– Нет! – залопотал братишка. – Нене читала и плакала, и делала костёр в печке.

– Почему ты мне ничего не сказал?

– Это не твои письма. Это тайна, говорить нельзя... Да, нене?

– Да, это правда, – ответила женщина, погладив голову ребёнка. – Это была тайна... Теперь уже нет...

– У тебя есть деньги, которые Амир давал для меня. Дай мне их.

– Зачем?

– Мне нужны деньги. Срочно. Принеси.

– Ты наделаешь глупостей, зачем тебе деньги?

– Самую большую глупость уже наделала ты. Это даже не глупость, это преступление, – сказала Марьям. Потом, что-то вспомнив, спросила: – Ты сказала «мы хотели как лучше», кто «мы»?

– Я и его мать.

– О, да тут групповуха... Принеси деньги. Я знаю, где они лежат, но ты должна дать их мне сама. Принеси.

Бабушка вышла из комнаты, а спустя несколько минут вернулась с бумажным пакетом. Марьям взяла его и, не разворачивая, сунула в школьный рюкзачок. Потом собрала кое-какие свои вещи, учебники, взяла паспорт и пошла к входной двери.

– Ты куда?

– Не знаю пока, но меня не ищи. Я не вернусь. – Потом, помолчав, добавила: – Это очень больно, когда твою душу рвут на части, а когда это делает родной человек – просто невыносимо.

Девушка вышла из дома, прошла метров сто и задумалась – а куда идти? Потом, приняв решение, направилась в сторону своей школы. Подойдя, она взглянула на часы и удивилась – только одиннадцать утра! А для неё прошла целая жизнь – с обманом, оскорблением, потерей, приобретением, предательством и бегством из дома. В школе мирно шли уроки, когда Марьям зашла в кабинет директрисы. Она поздоровалась и радостно защебетала:

– Меня приняли в российский лицей! Я так долго добивалась, они всё не хотели брать, тем более бесплатно, но вы же знаете меня! Я добилась! Такое сочинение на русском написала, они ахнули! И остальные экзамены выдержала, не важно, что уже два месяца с начала учебного года прошло. Взяли по какой-то там бесплатной квоте, правда, на год ниже. Но это ничего, я за год два пройду, вы же знаете, я способная! Я зашла за документами.

– Поздравляю, девочка! А почему одна пришла? А где бабушка?

– Брат приболел, она с ним сидит, а мне уже сегодня нужно бумаги отнести, а завтра – прямо в класс!

Директриса знала Марьям с первого класса, это была умная, способная девочка, помимо школы она занималась танцами и посещала драматическую студию в соседнем посёлке. Женщина и не подозревала, что актёрские навыки, приобретённые в этой студии, позволили Марьям так убедительно сыграть радость от выдуманного приёма в лицей. Она выдала девочке все необходимые бумаги, и та, радостно обняв её и поцеловав, выпорхнула из кабинета. В дверях обернулась:

– Я ещё никому не говорила, вы – первая! Подружкам сама вечером скажу, ладно?

Пройдя через весь посёлок, Марьям вышла к окраине. Мимо проезжал автобус, тот, на котором Амир ездил в свою Исламскую школу. Девушка махнула рукой, автобус остановился, и она легко запрыгнула в него. Людей практически не было, Марьям села к окну и глубоко задумалась – что делать дальше? За окном мелькали знакомые картины пригорода, а через несколько остановок она увидела школу Амира. Вот где можно найти помощь! Здесь работал тот самый учитель – мулла, который заключил клябин между ними. Она нашла его и чистосердечно всё рассказала. Мужчина долго убеждал девушку вернуться домой, но Марьям наотрез отказалась. Тогда он помог ей снять комнату у одной своей дальней родственницы – милой старушки, которая жила одна в центре города и нуждалась в общении. Ася хала (тётя, азерб.) сразу понравилась Марьям. Будучи в солидном возрасте, она была быстра в движе-

ниях, обладала ясным умом и хорошим чувством юмора. Дети её, сын и дочь, ещё в начале девяностых перебрались в Европу, нашли работу и прижились на чужой земле. А внуки уже выросли на этой земле, приняли её за родную, мыслили и чувствовали как европейцы. Ася хала с мужем остались на родине, чтобы, как они говорили, было кому ухаживать за родными могилами. Вскоре в печальном ряду этих могил прибавилась и могила Ибрагим бея, её мужа, служившего доцентом в нефтяном институте. Ася хала преподавала английский в школе, но ушла с работы и стала заниматься репетиторством – готовить абитуриентов. Деньги это занятие давало неплохие, однако когда дети стали ежемесячно поддерживать её финансово, она перестала «пахать» с утра до ночи, и лишь изредка, для удовольствия, занималась языком с каким-нибудь особо способным школьником.

– Теперь я могу выбирать, кому дарить свои знания, – смеясь, говорила она, – и это так приятно!

Они с Марьям быстро нашли общий язык. Девочка честно рассказала ей всю историю, не умолчав и о занятии своей матери. Женщина лишь вздохнула и изрекла:

– Дети за родителей не отвечают. А вот бабушка твоя хотела как лучше, а получилось как всегда, – процитировала она российского премьера и добавила, – хреново получилось. Но тебе, детка, нужно окончить школу – иначе невозможно будет поступить в университет. Есть у тебя какие-то документы?

Марьям показала ей все бумаги из школы. Ася хала довольно кивала, изучая её отметки.

– Да ты у нас почти отличница! Молодец. Я помогу тебе устроиться в городскую школу, у меня остались хорошие связи. Так, запоминай легенду. Ты – моя внучатая племянница, то есть внучка моего брата. Жила в районе. В последний школьный год семья отправила тебя учиться в Баку, чтобы уж ты наверняка поступила в университет, куда стремишься с пелёнок. Нормально? Устраивает такая история?

– Да, устраивает, – Марьям смотрела на старушку широко раскрытыми, удивлёнными глазами, почувствовав в ней молодую авантурную душу. Потом, помявшись, перешла к деликатному вопросу. – А теперь договоримся о деньгах. Мне учитель сказал, сколько я должна платить вам за комнату. У меня есть деньги, – девушка достала пакет с деньгами, а потом рассказала, откуда у неё деньги.

– Детка, мне не нужны твои деньги, живи так. В доме хоть будет живая душа, мне веселее.

– Нет, так неправильно. Вам нужно взять деньги, иначе мы нарушим закон Баланса.

– Что?

– Закон Баланса. Мне Амир рассказывал, что есть такой закон. Сколько ты получаешь, столько ты должна отдать, возможно, чуть больше. А если не отдаёшь, то это всё равно, как если ты переёдаешь – начинает тошнить. С другой стороны, чувствовать себя должником неприятно, хочется выйти из этого положения.

– Как интересно! Я не знала, как это называется, хотя, в принципе, я согласна. А что, отдавать нужно только деньгами?

– Нет, – девочка серьёзно покачала головой, – можно услугой, можно работой, можно заботой. По-разному. Поэтому я прошу вас, возьмите деньги за комнату.

– Хорошо, – подумав, ответила женщина. – Тогда договоримся так. Я тебе комнату, ты мне деньги, я согласна. Это во-первых. Во-вторых, я тебя кормлю, а ты убираешь квартиру, а то мне тяжело уже.

– Да о чём вы говорите! – воскликнула Марьям. – Я и так всё уберу, не нужно меня кормить!

– Нет, детка, тогда мы нарушим закон Баланса. И потом, я люблю готовить, готовлю вкусно, и мне очень приятно, когда хвалят мою стряпню и восхищаются ею, а потом хвалят меня и тоже восхищаются, – Ася хала подмигнула Марьям и та рас-

смеялась. – Ну, согласна?

– Хорошо, согласна, – кивнула Марьям. Потом, покраснев, спросила: – Мне учитель дал номер телефона, по которому я могу найти Амира. А можно я сообщу ему ваш телефон, чтобы он сам мне звонил?

– Да без проблем! Запоминай, – она продиктовала свой номер и лукаво добавила, – сегодня можешь сама ему позвонить. Потом заплатишь за международный телефонный звонок, чтобы не нарушать закон Баланса.

Устроившись в своей небольшой, но очень уютной комнатке, выходявшей окнами в тихий тенистый двор, Марьям позвонила Амиру. Услышав родной голос, девушка расплакалась, и единственное, что смогла повторять, было: «Это ты? Я люблю тебя! Амир, это ты? Скажи, это ты?» Она не стала рассказывать подробности о своих злоключениях, обещав написать письмо. Только просила не сообщать ничего ни своей, ни её семье. Амир согласился и ещё пообещал звонить ей как можно чаще.

Ася хала договорилась в одной из городских школ, и Марьям уже через два дня пошла в новый класс. Её приняли равнодушно, скорее, её просто не заметили в давно сложившемся коллективе. Впрочем, Марьям это устраивало, она не хотела заводить новых подружек, чтобы не рассказывать правды о себе, но и не врать. Она прикинулась застенчивой серой мышкой, ни с кем не разговаривала, а если к ней обращались, отвечала односложно, опустив глаза. Правда, когда её однажды вызвали к доске, она ответила грамотно, обстоятельно, высказав своё понимание какого-то сложного исторического вопроса. Учитель, молодой симпатичный мужчина, удивлённо выслушал новенькую и в восторге воскликнул:

– Блестяще! Отлично!

Марьям опустила глаза, неподдельно покраснев и от его внимания, и от того, что весь класс пристально уставился на неё, районскую девчонку, неожиданно получившую похвалу скупого на признание историка. Для себя Марьям решила больше не высовываться, быть тише воды и ниже травы.

Где-то через неделю самостоятельной городской жизни Марьям позвонила бабушке из телефона-автомата.

– Это я, – ответила она на «аллэ-ё-ё», произнесённое мягким любимым голосом. – У меня всё в порядке. Я учусь. Меня не ищи, не найдёшь. Я сама буду звонить, – и, не дожидаясь ответа, повесила трубку.

Потом она вытерла слёзы, покотившиеся из глаз, глубоко вздохнула и сказала сама себе:

– Не реви. Что сделано, то сделано. Иди дальше и не оборачивайся.

Марьям действительно разорвала все связи с людьми из своей прежней жизни. Она не звонила старым школьным подружкам, зная, что они могут всё выболтать бабушке или матери, но и не заводила новых. Ей было непросто разбираться в сложностях городской жизни и только квартирная хозяйка, мудрая Ася хала, поддерживала её и помогала. Она сочувствовала девочке, видя её тоску по близким, но никогда не жалела, понимая, что именно жалость делает человека слабее и неустойчивей.

Вскоре после начала учёбы девушка задумалась о деньгах. На первое время их должно было хватить, а что делать потом? Марьям понимала, что в первый год студенчества Амиру сложно найти подработку, чтобы помогать ей, и она решила устроиться на работу. Только куда пойти работать девчонке в семнадцать лет? В официантки? В посудомойки? В уборщицы? В продавщицы? Марьям походила по городу, присматриваясь, где работает молодёжь. Вариант с продавщицей ей понравился, если учесть, что в дорогих бутиках, которые открывались по городу, особенной загру-

женности у продавщиц не было. Они лишь стояли и улыбались – так, по крайней мере, показалось Марьям. Выбрав небольшой, но очень респектабельный магазин мужской одежды с красивым названием «Michele Vuzogni», Марьям зашла внутрь. Девушка-продавщица небрежно спросила:

– Тебе чего?

– Работу ищу.

– Ты себя в зеркало видела? Волосы торчат, сразу видно, из района приехала! Кто тебя в такой магазин возьмёт? Иди уж в продовольственный или в «Макдональдс».

– А сюда берут только таких прилизанных болонок, как ты?

В этот момент в торговый зал вошёл хозяин и услышал её последнюю фразу.

– Девушка, вы работу ищите?

– Да.

– Уборщицей пойдёте?

– Нет. Продавщицей, – и Марьям улыбнулась, вспомнив, как руководительница драматической студии говорила, что у неё необыкновенно обаятельная улыбка. Кажется, подействовало.

– А что вы можете?

– Ничего, – честно призналась девушка. – Но я учусь очень быстро. И я языки знаю – русский, турецкий, английский и немного арабский.

– О, арабский! А где вы его учили? – переходя на арабский спросил хозяин магазина.

– В школе, на факультативе, – бойко ответила на том же языке Марьям, посчитав неуместным рассказывать о том, что с ней занимался Амир. – Думаю, что поговорить с покупателями смогу.

– Неплохо. А почему вы не учитесь, если у вас такие способности?

– Я учусь, поэтому работать смогу только после обеда.

Продавщица фыркнула и процедила сквозь зубы:

– Она ещё условия ставит!

Но хозяину Марьям понравилась, и он продолжил разговор на турецком.

– Знаешь, я возьму тебя на месяц с испытательным сроком... Платить не буду, но буду учить всем премудростям торговли мужской одеждой.

Марьям пожала плечами и, принимая игру, ответила на английском:

– Мне нужны деньги, а не испытательный срок. Придётся поискать работу в другом месте.

– О, да ты гордое создание!

– Нет, – девушка перешла на русский, – мне действительно нужны деньги.

Хозяин засмеялся.

– Этого языка я не знаю. Но ты меня заинтересовала. Сколько тебе лет?

– Скоро будет восемнадцать, – соврала Марьям.

– Я не могу взять несовершеннолетнюю, – огорчился мужчина.

– А вы рискните, отказаться всегда сможете.

Так она оказалась в магазине мужской одежды. Ася хала сначала была против того, чтобы Марьям работала.

– Тебе всё внимание нужно направить на учёбу, не расплятыться и достойно окончить школу, – настаивала она.

– Возможно, это правильно для обычной девочки, но моя история совсем другая. Сейчас идут первые серьёзные испытания в моей жизни, неужели вам понравится, если я сложу лапки и провалю их?

– Да, но... – на этом аргументы у женщины закончились. Ей нравилась целеустремлённость девушки, её невинная любовь и нравственная чистота. Она знала, что Господь испытывает всех по-разному и в разном возрасте. Для неё самой самым

серьёзным испытанием был даже не отъезд детей, а смерть мужа. За сорок лет супружеской жизни они настолько сроднились, что, похоронив мужа, женщина словно лишилась половины себя самой и потом мучительно восстанавливала свою утраченную целостность. Только тогда она поняла, что прежняя её жизнь была простой и счастливой, наполненной больше светлыми событиями, чем тёмными моментами. Поэтому Ася хала хоть и нехотя, но согласилась с решением девушки. Правда, она поставила условие:

– Я тебя прошу, не стой у витрины. А то люди увидят и скажут, что я заставляю внучку работать, стыда не оберёшься!

Марьям действительно пришлось многому учиться в магазине. Она и не подозревала, что у классического мужского костюма столько разновидностей – только пиджак мог быть однобортным и двубортным, приталенным и свободным, с разным количеством пуговиц, узкими или широкими лацканами, со шлицами и без, а также английского, итальянского, американского или немецкого кроя. А сколько фирм создавало мужскую моду – Pal Zileri, Ermenegildo Zegna, Burberry, Hugo Boss, Prada, и так далее и тому подобное... Однако девочка быстро постигала эти премудрости, и уже через полтора месяца легко ориентировалась в брендах и трендах мира мужской моды. Хозяин выдал ей униформу – строгий костюм оливкового цвета, зелёную сорочку и бежевые туфли на высоком каблуке. В этом наряде Марьям казалась взрослее, а когда начала красить тёмной помадой губы, они со второй продавщицей Ольгой выглядели почти ровесницами, хотя Ольга и была старше на пять лет.

Как-то в магазин зашла Ася хала, проведать свою «внучку». Она долго искала её глазами, пока Марьям с улыбкой не спросила:

– Ася хала, вам помочь?

Старушка удивлённо рассматривала продавщицу в элегантном костюме, на высоких каблуках – волосы гладко убраны, на губах тёмная помада, на ресницах тушь и лёгкие тени на веках, прикрывающих большие, чуть навывкате глаза.

– Детка, это ты?

– Я, Ася хала, я! Не узнали?

– Нет ...ты здесь совсем взрослая и чужая. А домой приходишь нормальной девочкой, – удивлённо ответила женщина. Марьям рассмеялась своим детским звонким смехом.

– Вы же сами велели мне маскироваться.

– У тебя, кажется, талант к смене внешности. Может, тебе в артистки пойти?

– Может, и в артистки, – ответила девушка и, наклонившись к уху старушки, тихо добавила. – Как только школу окончу, подумаю. Они здесь считают, что я в инязе учусь, потому что на разных языках могу разговаривать. А про школу не знают. Вы уж меня не выдавайте.

Удивительное дело – работая только во второй половине дня, Марьям продавала больше, чем Ольга, работавшая целый день. Покупатели-мужчины с удовольствием беседовали с обаятельной Мари, так она называла себя на работе, прислушивались к её советам, покупали обновки и приводили друзей.

Вскоре Марьям обнаружила, что в городе есть интернет-клубы, где за небольшую плату можно было и поиграть в компьютерные игры, и отправить письмо на электронную почту, и даже поговорить по скайпу. Однако говорить Марьям не решалась, так как разговор могли услышать другие посетители, но с помощью парня, работающего в клубе, открыла себе адрес электронной почты. Разговаривала она с Амиром по домашнему телефону своей квартирной хозяйки – он сам звонил ей. Она сообщила ему свой электронный адрес, и теперь два раза в неделю Марьям приходила в клуб, открывала свою почту и, смакуя каждое слово, читала письма Амира, а потом писала ответ. День девушки был насыщенным – школа, уроки, работа в магазине, уход за квартирой... Она каждый раз искренне благодарила свою хозяйку за её

вкусную стряпню, понимая, что если бы ей самой пришлось ещё и готовить, времени не оставалось бы совсем.

По вечерам, перед сном, старушка и девочка мирно пили чай на кухне и обменивались новостями. Рассказывала, в основном, Марьям, Ася хала слушала, вставляя свои меткие замечания, смеялась, когда девочка изображала кого-то, и всегда заканчивала разговор здравым советом. Эти советы мудрой женщины для Марьям стали ещё одной школой – понимания жизни. Иногда Марьям представляла, будто это они с бабушкой сидят и чаёвничают, ожидая прихода Амира. В такие моменты слёзы наворачивались ей на глаза, она быстро заканчивала разговор коротким «Спокойной ночи!» и убегала в свою комнату.

Раз в неделю, по субботам, Марьям из телефона-автомата звонила бабушке. Разговор всегда был коротким.

– Привет, это я. У меня всё хорошо. Одета-обута, накормлена-напоена. Я учусь и работаю. Не волнуйся, не как мать.

– Гызым, как я рада, – начинала бабушка и сразу же переходила на слёзы: – Ну, прости меня! Скажи ещё что-нибудь, сердце болит за тебя!

– Как ты?

– Ничего, живём... Без тебя плохо...

– Ладно, пока, – обрывала её причитания Марьям и вешала трубку. Ей хотелось расспросить бабушку подробней, но она одёргивала себя, сжимала зубы, смахивала слёзы и, улыбаясь, шла в свой новый дом. Когда Марьям задумывалась над своим положением, она искренне удивлялась, как у неё всё гладко складывалось – и дом, и учёба, и работа, которая приносила пусть небольшие деньги, но и их хватало, чтобы откладывать на будущее. Будь её воля, она всё бы бросила и помчалась к Амиру в далёкий Стамбул, но девушка понимала, что даже через границу не сможет перейти, так как была несовершеннолетней, и требовалось разрешение родителей на выезд из страны. Она запрещала себе мечтать о пока несбыточном и возвращалась к чёткому плану: окончить школу, получить аттестат о среднем образовании, отпраздновать своё совершеннолетие, оформить загранпаспорт, купить билет и... только потом улететь к Амиру.

К Новому году Марьям накупила подарков бабушке, брату и матери и попросила Асю халу заказать такси в свой посёлок и обратно. Видя, как она волнуется, старушка предложила составить компанию.

– Только мы туда и обратно, домой ко мне заходить не будем, ладно? – согласилась Марьям.

– Как скажешь, детка, – вздохнула женщина.

Когда машина подъехала к её дому, у девушки перехватило дыхание. Она взяла большой пакет с подарками, поставила у калитки дома и требовательно нажала кнопку звонка. А услышав шаги за забором, метнулась к машине, заскочила в неё и резко бросила:

– Скорей обратно! – а сама прильнула к заднему стеклу и успела заметить, как бабушка открыла дверь, увидела пакет, подняла его и стала озираться по сторонам...

– Да ты у нас Снегурочка с подарками, – улыбнулся шофер. – А Деда Мороза где потеряла?

– Занят он, дел невпроворот, вот жена ему и помогает вместе с внучкой, – ответила Ася хала.

– Какая жена? – удивился шофёр.

– Как какая? Баба Мороз – вот она я! – и все весело рассмеялись.

Дети старушки тоже звонили ей по телефону регулярно: сын по воскресеньям, а дочь – по средам. Она подробно рассказывала им о себе, о Марьям и об их совместном житье-бытье. Дети сначала противились присутствию девушки в доме, но видя, как повеселела мать и снова начала шутить и смеяться, слыша, с какой любовью она говорит о своей постоялице, дети тоже приняли её. Дочь даже начала давать ценные советы, как ухаживать за матерью. Марьям всё записывала в тетрадочку, а Ася хала потихоньку вырывала эти листы:

– Какая чушь! Яйца курицу учат!

– Европейские яйца, они там продвинутые, – улыбалась Марьям.

– Вот-вот, ладно бы местные, а то «высоко сижу, далеко гляжу»! Не заморачивайся, детка!

А к Новрузу байраму сын сообщил потрясающую весть:

– Мама, я пришлю тебе компьютер, чтобы по скайпу разговаривать и тебя видеть. Марьям сможет тебе всё объяснить, или сама соединять нас будет.

– Ты лучше деньги пришли. И сообщи, какую марку хочешь подарить. У нас тут тоже всё есть, сами купим!

Мужчина так и сделал, и уже на праздник видел на экране сияющую мать за столом с сямями и национальными сладостями – пахлавой, шакярбурой, шакяр чуреком, гогалами. Ася хала была в восторге, видя родные лица детей и внуков. Она показывала на печёное и лукаво приговаривала:

– Угощайтесь, мои родные, кушайте вдвоём, мои сладкие, и с собой заберите, сколько унесёте, соседям раздадите! – все смеялись, шутили, европейцы поднимали бокалы вина за здоровье, а старушка с девочкой отхлёбывали чай. Праздник удался!

– Дай Бог здоровья этой технике, – заключила Ася хала. – Когда они в начале девяностых уезжали, думала, всё, больше уж никогда не увижу. Знаю, муж от этой мысли и помер, упокой Господи его душу, думал, потерял детей навеки. Слава Богу, хоть приезжали иногда, радовали мать. А сейчас – кнопку нажал и, пожалуйста, сидят с тобой за одним столом, и ты их видишь, и они тебя! Дай Бог здоровья этой технике!

– Нет, Ася хала, не только кнопку, ещё и за интернет надо платить.

– Детка, за удовольствия всегда платили и платить будут! На этом не экономят! А ты, наверное, тоже хочешь своего-то увидеть? Давай, заодно познакомишь. Кутить – так кутить!

– Спасибо, – Марьям засмушалась, – только я сама сначала... Можно?

– Конечно, я пока полежу, а ты потом позовёшь.

Марьям нашла Амира в сети и, замирая, отправила ему приглашение к разговору. Он перезвонил сразу. Они долго молча смотрели друг на друга, не нуждаясь в словах. Марьям несколько раз протягивала руку, желая погладить родное лицо, но натыкалась на экран, и в растерянности отступала, а потом повторила слова старушки:

– Дай Бог здоровья этой технике! – Амир рассмеялся и они, то приближаясь к видеокамерам, чтобы заглянуть в глаза, то отодвигаясь от экранов, чтобы увидеть лица, наперебой заговорили. Через полчаса Марьям вспомнила: – Амир, Ася хала хочет с тобой познакомиться. Она просила меня представить вас друг другу.

– Вау, как официально, сейчас надену галстук и пиджак.

– Нет-нет, не отходи, сейчас я её позову.

Марьям, волнуясь, подошла к хозяйке, в кресле смотревшей телевизор.

– Ася хала, познакомьтесь с Амиром?

– Ой, а я уже халат домашний надела, сейчас переоденусь, – засуетилась старушка.

– Не нужно, я вам шаль красивую накину на плечи, – девушка задрапировала шаль на её худеньких плечиках, придвинула журнальный столик и пошла за ноутбуком. Вернувшись, она нашла женщину сидящей прямо, с торжественным лицом, строгим взглядом, чуть приподнятым подбородком. Взглянув на экран, она увидела Амира в том же положении. Марьям устроила компьютер на столике и важно произнесла:

– Разрешите вас представить друг другу. Ася хала, самая лучшая в мире квартирная хозяйка, чудесная женщина и, наконец, просто красавица! Амир, самый лучший в мире жених, студент Стамбульского университета и тоже красавец!

Несколько секунд женщина и парень изучающе смотрели друг на друга, а потом одновременно заулыбались.

– Есть контакт! – прокомментировала Марьям, радуясь, что они понравились друг другу.

Ещё два месяца пролетели быстро, настало время выпускных экзаменов. Марьям готовилась старательно, чтобы не подвести Асю халу. В конце мая она уволилась с работы. Хозяин искренне опечалился расставанию с хорошей продавщицей, чей весёлый нрав и лёгкий язычок привлекали множество клиентов. Он пригласил её в другой свой магазин – женской одежды – и предложил выбрать наряд в подарок. Застеснявшаяся Марьям остановилась на джинсах с маечкой, но мужчина решительно отказал:

– Это ты и в переходе сможешь купить, померь вот это платье, – он протянул ей белое платье с голубой отделкой и расклешённой юбкой чуть ниже колен. Наряд пришёлся Марьям впору. Продавщица протянула ей голубой шёлковый шарфик, которым девушка вместо ленты повязала непослушные волосы, и лёгкую летнюю сумку. Марьям была так хороша в этом новом, очень женственном наряде, что от избытка чувств обняла хозяина и крепко поцеловала.

– Жаль, что ты не сделала этого в тот день, когда я взял тебя на работу. А то бы я уже женился на тебе. А сейчас ты увольняешься... Нет, так не честно! – пошутил он. – Ладно, твою униформу тоже тебе дарю!

Девочки продавщицы захихикали:

– Ты ещё его пару раз чмокни – весь гардероб обновишь.

Экзамены Марьям сдала без троек, по русскому, английскому, родному языку и истории были пятёрки, остальные – четвёрки.

Получать аттестат девушка пошла в сопровождении Аси халы. Старушке все улыбались и поздравляли с внучкиным окончанием школы. Она в ответ благодарила и поворачивалась к Марьям:

– I'm pleased with you, baby. Well done! (*Детка, я довольна тобой, ты молодец*) – произносила она на английском, а девушка отвечала:

– Thank you, I would be lost without you (*Вам спасибо, без вас я бы пропала*).

В конце июня, в день своего совершеннолетия, Марьям купила билет на самолёт в Стамбул. Дата отлёта пришлась на последний день месяца, как раз накануне у Амира завершались экзамены.

Ася хала приготовила праздничный обед и предложила позвать на него бабушку и мать Марьям. Та, опустив глаза, покачала головой:

– Нет. Я сама к ним поеду.

На следующий день с большой коробкой торта в руке, она стучалась в родную дверь.

– Гызым! Моё сердце знало, что ты придёшь! – заохала бабушка, обнимая и крепко прижимая к себе внучку. – Заходи, джаным, дай на тебя насмотреться, красавица моя!

Подросткий братик восторженно прыгал, норовя вырвать коробку с тортом из рук Марьям. Она дала ему купленную игрушку – красивый самосвал, а торт передала бабушке:

– Приготовь чай.

– Да у меня плов готов, как ты любишь! Сейчас обедать будем. Сану позову, – и потянулась к телефону.

– Не надо, я не хочу, – в глубине души Марьям давно простила и мать, и бабушку, но разговаривать с любовью, просто и легко, как раньше, не могла. За обедом говорила одна бабушка, она рассказывала семейные новости, поселковые сплетни, делилась маленькими секретами, которых у них с внуком накопилось множество – в основном, они касались его проказ.

– Это хорошо, что ты потеплела к нему. У него и взгляд переменялся.

– Эх, гызым, кто, кроме нас с тобой, о нём позаботится? Родителям он не нужен...

– Я взяла билет в Стамбул на тридцатое. Амир меня ждёт, будет встречать. Не знаю, как всё сложится. Я буду звонить. Прощай, – девушка чмокнула бабушку в щёку и вышла из дому.

Улетая через несколько дней в Турцию, Марьям не подозревала, что в её жизни закончился самый счастливый период.

Часть 2

Марьям смотрела в окно съёмной квартиры в Стамбуле. Амир был на занятиях, а она просто сидела на стуле, скрестив руки на животе и прислушиваясь к новой жизни, которая вот уже четыре месяца, как зародилась в ней. Лето пролетело счастливо, но быстро. Амир устроился в туристическую фирму переводчиком, а потом стал работать и экскурсоводом. Его цепкая память помогала в работе: раз что-то услышав, он запоминал это навсегда. Пройдя однажды с гидом по маршруту, он затем с лёгкостью мог сам вести экскурсию. Марьям в интернете находила ему интересные факты, исторические анекдоты и притчи, а по вечерам, когда он после позднего ужина присаживался отдохнуть, она увлечённо пересказывала их ему. Несколько раз она вместе с ним ходила на экскурсии, с интересом знакомясь со Стамбулом, но потом сильный токсикоз первых месяцев беременности с тошнотой и рвотой практически привязал её к квартире. Узнав о ребёнке, Марьям испугалась: чужая страна, учёба Амира, финансовая неустойчивость, да ещё ребёнок!

Но Амир обрадовался:

– Если Аллах даёт нам ребёнка, значит, Он верит нам, значит, мы сможем. Давай в имени ребёнка мы соединим наши имена. Если будет мальчик, назовём – Аммар, Амир и Марьям, а если девочка – Марами, Марьям и Амир.

– Аммар мне нравится, а Марами нет. Похоже на какое-то индийское имя.

– И что? Зато оно будет только у нашей дочери!

Однако когда Марьям прошла ультразвуковое обследование, оказалось, что у них будет сын, и вопрос об имени дочери пока отпал сам собой.

Неделю назад мать Амира сообщила ему, что собирается вместе с младшим сыном приехать в Турцию и обосноваться здесь. А первое время они, конечно же, поживут все вместе. Марьям помнила её ненавидящий взгляд в подьезде, когда она попросила адрес Амира, и помнила грязные слова, которыми свекруха обзывала её семью.

– Амир, твоя мать ненавидит меня. Я боюсь, что она разлучит нас... Особенно, если мы будем жить все вместе...

– Маша, когда она узнает тебя поближе, она полюбит тебя так же, как люблю я.

Марьям покачала головой – она знала женщин, которые, оставшись без мужа, фактически делают своего сына его заместителем – он решает все проблемы, приносит деньги, и, главное, беспрекословно подчиняется матери, которая считает его своей собственностью.

К сожалению, худшие опасения Марьям подтвердились. Свекруха приехала с младшим сыном и сразу повела себя как полноправная хозяйка дома. Через каких-то знакомых она устроила мальчика работать у своих земляков на рынке. Ничего серьёзного, подай – принеси – отнеси, но эта работа давала деньги, поэтому, когда они оставались наедине с Марьям, женщина, глядя в пространство, ехидно произносила:

– Слава Аллаху, мой сын работает, мы не едим чужой хлеб, как некоторые...

Марьям, как послушная восточная невестка, долго молчала, а однажды высказалась:

– Слава Аллаху, у меня есть муж, который меня любит и кормит!

Эти слова вызвали необузданный гнев свекрухи. В чём она только не обвиняла Марьям – и внучка проститутки, и дочь проститутки, и сама проститутка, нагуляла ребёнка, а теперь вешает его на шею чистого ангела – её сына. Это было так неожиданно и жестоко, что Марьям растерялась. Она хотела бы уйти в другую комнату, но жильё было настолько маленьким и неудобным, что спрятаться от гнева женщины было некуда. Она накинула жакет и выбежала на улицу. С этого дня свекруха стала применять изощрённую тактику: в присутствии Амира она расхваливала на все лады Марьям, а когда они оставались наедине, обливала её площадной бранью. Амир радовался:

– Маша, я же говорил тебе, что мама тебя полюбит, тебя невозможно не любить! Я счастлив, что вы нашли общий язык.

Брат Амира Вагиф, спокойный добрый парень, целыми днями был на работе, вечерами сидел с новыми друзьями в чайхане и был абсолютно равнодушен к семейным делам. В отличие от Амира, его совершенно не увлекали ни учёба, ни науки. Ему нравилась его несложная работа и бурлящая жизнь рынка, новые люди и новые отношения. Он ни разу не вышел погулять по древнему городу – зачем? Что с того, если он узнает подробности жизни султанов и их жён, или побед и поражений давно ушедших полководцев? Ничего. Зачем голову забивать? Он очень ровно относился к Марьям, любил брата, а на все замечания и требования матери отвечал неизменным – конечно! Он отдавал ей большую часть заработанных денег и на этом считал свой сыновний долг выполненным. Пожалуй, в их семье он был самым довольным и счастливым человеком. Возможно потому, что никогда не становился ни на чью-то сторону и не участвовал ни в чьих разборках.

Иногда, когда свекруха выходила по каким-то делам, Марьям по скайпу звонила Асе-хале. Они говорили по-английски, чтобы внезапно вернувшая свекровь ничего не поняла.

– Детка, – говорила старушка, – в твоём положении нельзя быть несчастной. Малыш должен чувствовать здоровье и радость матери. Свекровь твоя глупая женщина, я подумаю, чем тебе помочь.

Но обещанию старушки не суждено было сбыться. Как-то Марьям не могла неделю дозвониться до неё и, почувствовав неладное, позвонила на скайп её сыну. Мужчина, услышав её взволнованный голос, заплакал.

– Марьям, мама... с мамой... она... её больше нет...

– Как нет? Где она?

– Мы её похоронили неделю назад. Это было так внезапно... Она ушла легко, просто утром не проснулась. Но она, видимо, что-то чувствовала. В столе было письмо – завещание. Она распределила всё, что у неё было, написала, что всех любит... Она и тебе оставила. Свой компьютер и деньги. Деньги – для твоего ребёнка, когда он родится.

Марьям, оглушённая, сидела перед экраном и не замечала, что слёзы потоком струятся из глаз. Несколько раз она что-то пыталась сказать, но звуки растворились в ней. В этом положении её и застала свекруха, хотела что-то съязвить, однако столкнувшись с невидящим взглядом молодой женщины, промолчала. Вечером Амир как мог утешал жену, но горе её, кажется, не имело предела.

– Амир, я сегодня поняла, что уме... что ушёл очень родной человек. Я поняла, что очень люблю Асю халу. Я никогда не думала о смерти, а сегодня вдруг почувствовала её, и мне стало страшно... И ещё я поняла, что в жизни есть не только будущее, но и прошлое, которое не изменить никогда. И прошлым может стать любой человек, в любую минуту...

– Марьям, ведь Ася хала была уже старой женщиной, а жизнь так устроена, что люди в старости умирают...

– Не надо об этом, давай помолчим, обними меня крепче... Нас, – поправилась она, – обними нас крепче, чтобы никто никогда не смог отнять нас друг у друга...

С этого дня Марьям перестала слышать свекровь с её нападками и оскорблениями. На все её вопросы, обращения и указания она отвечала односложно и словно издалека:

– Да, мама... Конечно, мама... Марьям полностью сосредоточилась на ребёнке, помня, как Ася хала говорила ей, что малыш должен родиться в радости и счастье. Однако вскоре смерть снова вмешалась в течение жизни, словно утверждая их неразрывную связь. Через месяц после ухода старушки вечером раздался телефонный звонок. Свекровь подняла трубку и почти сразу же скорбно заохала.

– Кто? – прошептала Марьям.

– Мама твоя в аварию попала, насмерть...

Марьям выхватила трубку и закричала:

– Что, что случилось?

– Гызым, Сану машина сбила, – запричитала бабушка, – нет у меня больше дочери, нет у вас больше матери... Что я буду делать одна, как ребёнка поднимать? Откуда силы брать? Откуда деньги брать?

– Когда похороны?

– Да схоронили уже, утром это случилось... Сразу в мечеть и на кладбище, успели до захода солнца... Горе мне, горе...

– Так, замолчи, – властно сказала Марьям. – Сейчас вернётся Амир, и мы решим, что делать. Я позвоню.

Свекровь с жалостью смотрела на невестку и почти ласково проговорила:

– Береги ребёнка, это мой внук. Не нервничай, и себя береги.

– Конечно, мама, – механически ответила Марьям.

Вечером Марьям рассуждала:

– Амир, здесь у меня ты, а там бабушка. У неё, кроме меня, никого нет. Брат слишком мал. Я не знаю, что мне делать – сердце словно рвётся на две части... Где мне следует быть?

Вмешалась свекровь:

– Дочка, езжай домой, поддержи бабушку, здесь мы справимся, а потом вернёшься и родишь. Или там родишь, куда тебе с животом мотаться туда-сюда.

Марьям снова взглядом остановила её. Известие о смерти матери как будто пробудило в ней дремавшие силы. Перед лицом смерти, уже дважды за месяц вошедшей в её жизнь, все мелкие ссоры и дразги стали ничтожными.

– Амир, ты – мой муж, как скажешь, так и сделаю.

– Маша, нужно ехать. А после сорока дней вернёшься. А по ходу решим, как

определилась с твоей бабушкой и братом. Только вот нужны деньги... Я постараюсь найти.

В этот момент вернулся с работы Вагиф, спокойный и беспечный, как всегда.

– А что случилось? Зачем тебе деньги?

Узнав о происшедшем, он молча вышел и вернулся минут через десять. Подошёл к столу, за которым сидели Амир и Марьям и положил на стол стодолларовые купюры.

– Вот, здесь тысяча. На билет и первое время хватит.

Свекровь изумлённо посмотрела на сына и неожиданно злобно закричала:

– Это ты от матери прятал? Я себя не жалею, всё для вас, а ты деньги на похороны этой шлюхи отдаёшь! – она потянулась к деньгам, но Вагиф накрыл их своей огромной ладонью.

– Конечно. Пусть Марьям едет, – и, ухмыляясь, глядя матери в лицо, добавил: – ты же мечтала об этом.

Амир ошеломлённо переводил взгляд с брата на мать, а Марьям взяла деньги и благодарно произнесла:

– Спасибо, брат. Амир считает, что мне нужно лететь. Я полечу.

Часть 3

Марьям смотрела на бабушку и не узнавала её. Из полной, цветущей женщины она превратилась в согбенную старушку. Кожа лица сморщилась и обвисла, седые волосы торчали в разные стороны, несмотря на то, что нене причёсывала их по нескольку раз в день, появилась сильная сутулость, похожая на растущий горб, глаза покрылись мутной пеленой, губы превратились в две тонкие полоски. Прежними остались только зубы, белые, красивые и ровные, но на измученном лице они смотрелись протезами. «Сколько же ей лет?» – пыталась посчитать Марьям и изумилась: – Только пятьдесят четыре! А выглядит на все семьдесят...» Они отметили сороковины, проводили гостей и сидели в гостиной, разговаривая о том, о сём, но уходя от главного вопроса – как жить дальше? Наконец Марьям решилась.

– Нене, я хочу взять вас с братом в Стамбул. Дом твой сдадим, правда, много не дадут – пригородный посёлок. Но дом с ремонтом, вполне приличный. Какие-никакие деньги. А все вместе и в Турции не пропадём.

– Гызым, куда я поеду? Посмотри на меня – сил совсем не осталось. Мне и ходить тяжело. Знаешь, мне всё время снится Сана, за собой зовёт... Ничего не говорит, только пальчиком манит. Может, помру скоро?

– Нене, рано тебе ещё, внука надо вырастить, правнук скоро родится, а ты – помру. Думаю, нужно ехать в Стамбул. Амир не против, уже новую квартиру подыскивает.

– Гызым, как скажешь, но только сил у меня нет.

Нене умерла через пять дней после этого разговора. Инфаркт и инсульт, всё произошло очень быстро, старушка совсем не мучилась. На местном кладбище появилась ещё одна свежая могила...

– Амир, что происходит с нами? – говорила Марьям в экран компьютера, оставленного ей Асей халой. – Это что, злой рок?

– Это жизнь, родная.

– Знаешь, я всё лучше и лучше понимаю, что смерть – это часть жизни. Но мне не нравится эта её часть. Сегодня утром брат подошёл ко мне, прижался и так тихо, обречённо спросил: «Сестра, а ты тоже скоро умрёшь? А потом я?» Я чувствую, как ему страшно, бабушкину кровать обходит стороной, даже к вещам её не прикасается...

– Тебе нужно думать о нашем сыне, хватит страдать за других, – неожиданно жёстко сказал Амир. – Ты опять на сорок дней задерживаешься. Решай, что делать с братом.

– Наверное, нужно оформить опеку. Иначе его не выпустят из страны. Я займусь этим.

– Ты хочешь его привезти сюда? А кто с ним возиться будет? У нас родится свой ребёнок.

Марьям замолкла в шоке, осмысливая слова мужа. Потом перешла на английский.

– Амир, это говоришь ты? Ты предлагаешь мне отдать его в детский дом?

– Я пока ничего не предлагаю, дай время подумать.

– Амир, я не смогу оставить его. Он мой брат, ему только пять лет...

– Ну, не совсем оставить, есть же интернаты.

– Амир, любимый мой, подумай, как будет лучше для всех нас. Как решишь, так и сделаем. И ещё.... У меня совсем не осталось денег...

– Продай что-нибудь. Мне сейчас неоткуда взять.

Марьям вышла из скайпа и задумалась, опустив голову на руки. Её тут же затеребил брат:

– Не сиди так, нене всё время так сидела после Саны, и сама умерла. Не сиди так!

– Ладно, не буду, – согласно кивнула женщина и пересела в кресло. Брат молча пристроился рядом, прижался к её руке и задремал. Марьям пыталась осмыслить последние события, которые мелькали с огромной скоростью, оставляя в душе кровавые следы. Ася хала стала ей родной, маленькая добрая женщина многому научила и поддержала её, когда Марьям осталась совсем одна. Сана была ей биологической матерью, как теперь говорят. Марьям не знала ни ласки, ни доброго слова от неё, но всё же Сана была частью её жизни. А бабушка... Вдруг в голове зазвучал её голос:

– Думай о ребёнке, он должен родиться в спокойствии и радости.

– Именно так, – решила Марьям, – буду думать о живых. И о текущих вопросах. Их нужно решать. Где взять деньги?

Те деньги, что оставила Ася хала для ребёнка, она трогать не хотела. Старушка аккуратно собирала в большой конверт деньги за квартиру, что платила ей Марьям, и оставила их ей же, но для ребёнка. Это на самый крайний случай. А до того Амир что-нибудь придумает. Что-то продать? У неё самой ничего не было, но, возможно, у бабушки? Что-то на чёрный день. Хотя смерть Саны и была тем самым чёрным днём... Марьям осторожно поднялась, стараясь не разбудить брата, и подошла к шкафу. Она перебирала полку за полкой, откладывая в сторону ставшие ненужными бабушкины вещи. На одной из самых верхних полок стояла старая деревянная шкапулка с какими-то письмами, старыми фотографиями, которых раньше Марьям не видела, и маленькой коробочкой. В коробочке, завёрнутые в тряпицу, лежали три золотых кольца – два обручальных, мужское и женское, и старинное на вид, женское кольцо с камнем. Чьи это кольца? Бабушкины? Матери? Марьям неожиданно поняла, что ничего не знает о жизни бабушки до своего рождения. Ей всегда казалось, что всё, что было в их семье, началось именно с неё, с рождения самой Марьям. Она никогда не спрашивала бабушку о её родителях, детстве, юности. Не знала, был ли у неё муж, другие дети? Или какие-то родственники? Марьям привыкла, что главное в жизни – это они с бабушкой и Сана, которая мешала их спокойствию. Родившийся брат вызывал досаду и ревность, но Марьям к тому времени повзрослела и смогла справиться с этими чувствами. Марьям ничего не знала об истории своего рода, который, несомненно, был, не знала ничего о своём отце, возможно, случайном мужчине в жизни её матери, но он тоже, несомненно, был... А теперь и спросить не у кого... Краем уха Марьям слышала, что бабушка её была в своё время известной про-

ституткой, да и свекровь при каждом удобном случае подчёркивала это, но Марьям не верила всем этим слухам. С самого детства она почему-то для себя решила, что бабушка её была ангелом, да и звали её Мьяляк – ангел, а разве человеку нужно что-то ещё, когда рядом с ним всё время находится ангел? Какая у ангела может быть история? Вся его история – хранить того, для кого он пришёл на эту землю. «Боже, как это эгоистично – ничего не знать о человеке, который столько лет был с тобой рядом, любил тебя и нежно заботился... Нужно прочитать все письма из шкатулки», – решила женщина, но сразу поняла, что пока не стоит этого делать. Когда душа её ангела отлетит на небо, тогда и прочитает. А кольца можно продать.

На следующий день, взяв брата, она поехала в город, чтобы оценить и продать кольца. Путь их лежал мимо того магазина, где когда-то давно, а ведь это было всего несколько месяцев назад, работала Марьям. У двери стояла новенькая продавщица. Марьям зашла и спросила директора. На её голос из кабинета выглянул бывший шеф и, широко улыбаясь и раскрыв руки, двинулся ей навстречу:

– О, моя любимая продавщица зашла навестить старика!

Брат испуганно спрятался за сестру, а на глаза Марьям навернулись слёзы. Мужчина удивлённо остановился, а потом, сделав вид, что ничего не заметил, провёл их в свой кабинет. Откуда-то вытащил детскую машинку и протянул мальчику:

– Смотри, какая красивая, последняя модель. Иди в зал поиграй, а мы поговорим. – Малыш послушно вышел в торговый зал. А Марьям, словно почувствовал, что можно расслабиться, разрыдалась и сквозь слёзы рассказала всю историю последних событий. Директор выслушал не перебивая, а потом произнёс знакомую фразу:

– Береги своего ребёнка, он должен родиться в спокойствии и радости. Покажи кольца. – Он внимательно изучил их, особенно остановившись на кольце с камнем. – Пошли к ювелиру. У меня есть хороший знакомый.

Они втроём прошли три квартала и зашли в ювелирную мастерскую. Впервые с момента отъезда из Стамбула Марьям чувствовала себя защищённой. На душе стало намного легче и прибавилось сил, она даже улыбнулась, здороваясь с ювелиром. Брат одной рукой крепко держался за молодую женщину, а второй прижимал к груди новую игрушку.

– Обручальные кольца я могу взять только по цене золотого лома, а вот это кольцо с камнем – старинное и имеет хорошую цену. – Он назвал сумму. Марьям хотела сразу же согласиться – деньги были действительно немалые, но директор остановил её и что-то сказал ювелиру на незнакомом языке. Тот сначала возразил, а потом, выслушав доводы директора, согласно закивал головой и обратился к Марьям:

– Обручальные кольца пока оставьте, я сейчас дам их ребятам отполировать и повешу на них ярлычок с ценой. Возможно, в дальнейшем пригодится. А за это кольцо я дам вам его настоящую цену, – и он назвал сумму, в два раза превышающую начальную. Марьям переводила растерянный взгляд с ювелира на директора, а потом задала неожиданный вопрос:

– Вы разговаривали на фарси?

Ювелир засмеялся:

– Ты всё поняла?

– Нет, – Марьям покачала головой, – я не знаю этого языка. Но в нашем районе некоторые люди говорят на нём. А я немного знаю арабский, – и она, повинувшись какому-то шестому чувству, поблагодарила ювелира на арабском. Тот заулыбался и на том же языке ответил, что это родной язык его бабки со стороны матери. Через некоторое время мастер вынес из мастерской красивую коробочку, и ювелир протянул её Марьям. Она открыла и ахнула. В коробочке, как ей показалось, лежали два совершенно новых кольца с ценниками.

– Они не новые, – опережая её, сказал ювелир. – Золото хорошо полируется.

Это те же самые кольца. А вот это деньги, – он протянул Марьям внушительную пачку. – Пусть пойдут они во благо.

Девушка взяла деньги и растерянно попыталась положить их в карман.

– Семён Семёныч! – ювелир неожиданно на русском процитировал эпизод из советского фильма «Бриллиантовая рука». Марьям улыбнулась и положила деньги в сумочку. На улице директор сказал:

– Деньги сейчас отнесёшь в банк и возьмёшь карточку. Не стоит их хранить дома.

– А у нас в посёлке не расплачиваются карточками.

– Что-то оставь, а потом будешь брать по мере необходимости. Я тебе объясню, как это делается.

Ещё через час Марьям держала в руках банковскую карточку и часть денег на текущие расходы.

– Мне кажется, что это бабушка оттуда, – она посмотрела наверх, – обо мне заботится. Она же всегда была ангелом здесь для меня, а теперь стала им на небе. Можно, я вас обниму? – она с благодарностью обняла мужчину, а он ответил почти так, как несколько месяцев назад:

– Жаль, что ты не сделала этого в тот день, когда я взял тебя на работу. Я бы женился на тебе. А сейчас ты замужем.

Вечером того же дня она радостно рассказала обо всём Амиру. Он молча выслушал, а потом странно ответил:

– Ну вот, не успела подумать, где взять деньги, а они тут как тут, на блюдечке с каёмочкой. И ещё кольца золотые в придачу.

– Амир, я чувствую, это бабушка с небес ведёт меня.

– Да? А я вроде услышал, что твой директор постарался...

– Амир, я ничего не понимаю... Что ты говоришь? Ты ревнуешь?

– Нет, с чего бы ревновать... Просто жена вдруг ни с того ни с сего получает большие деньги и золото с подачи знакомого мужчины. Это же нормально...

– Амир, ты меня оскорбляешь. За что? Видит Бог, я никогда ни о каком мужчине, кроме тебя, не думала. Я ношу твоего ребёнка, на меня свалилось столько горя... Только мысли о тебе помогают мне выстоять. Ты мой муж, мой любимый, мой друг, и вдруг такое говоришь. Что случилось?

– Ничего. Мама рассказала мне историю вашей семьи. Яблоко от яблони недалеко падает...

Марьям потрясённо молчала. Ей показалось вдруг, что рука смерти вновь коснулась её. Но их ребёнок... Он должен родиться в спокойствии и радости. И Марьям заставила себя улыбнуться:

– Родной мой, мы знакомы с детства, мы никогда не скрывали друг от друга свои мысли и чувства. Ты знаешь меня лучше всех на свете. Знаешь, что у меня никого, кроме тебя, нет, не было и не будет. История моей семьи? Ты всегда знал, чем занимается моя мать, и не отказался от меня. Что же случилось сейчас? Я такая же, я твоя...

– Прости меня, наверное, я схожу с ума, я так скучаю, Марьям. Скажи мне, что ни один мужчина до тебя не дотрагивался.

– Я клянусь тебе, только ты и никто более. Брат ещё не мужчина.

Амир облегчённо вздохнул:

– Маша, я очень люблю тебя, прости меня, и приезжай скорее... Я понимаю, что пока не можешь, но я жду каждую минуту... Я люблю тебя.

Марьям отключила компьютер и вдруг вспомнила, как сегодня обняла директора. Обняла искренне и с благодарностью, по-дочернему, а он ответил – жаль, что ты не сделала этого в тот день, когда я взял тебя на работу. Я бы женился на тебе. А сейчас ты замужем. Это была шутка ...или?.. И получается, что она обманула мужа... Женщина тряхнула головой, отгоняя прочь глупые мысли – у неё есть только Амир!

Несколько долгих дней Марьям занималась юридическими делами. Она оформила опеку над братом и пенсию ему, подала документы на наследство. Наследство всё состояло из дома и небольшого участка земли и особой ценности не представляло. Однако маленький и хорошо отремонтированный стараниями бабушки дом был своим собственным жильём, он давал уверенность в том, что под голым небом ни брат, ни она, в случае чего, не останутся. Марьям, правда, даже не хотела и думать, что это может быть за случай. Но последние события показывали, как причудливо может проявляться Божья воля. Марьям никогда не спорила с Аллахом – если она за последние месяцы лишилась троих близких людей и впервые почувствовала недоверие Амира, значит, это для чего-то было необходимо. Возможно, для того, чтобы Марьям ощутила свою силу? Сколько же ещё нераскрытых сил есть в ней? Но почему они раскрываются только в сложных и трагических ситуациях?

По вечерам Марьям молилась. Она просила Аллаха, чтобы он больше не забирал её родных людей. А из родных у неё были только Амир и брат, и ещё малыш, который всю толкался в животе. Марьям понимала, что ему там уже тесно, и уговаривала его немного потерпеть. Она пела ему весёлые народные песни, а чтобы отогнать тёмные мысли, притопывала слегда ногами, представляя, что кружится в задорном танце. Она чувствовала, что сыну это нравится, и сама наполнялась его радостью. Брат тоже любил слушать её песни, хлопал в ладоши, но никогда не пускался в пляс. В детский сад ходить он категорически отказался, обняв Марьям и отчаянно прошептал ей в ухо:

– Я должен быть рядом с тобой! Если придёт смерть, я отгоню её от тебя, а ты от меня. Мы должны быть вместе.

А ещё она просила Аллаха, чтобы он смягчил сердце свекрови, и она разрешила бы Амиру позволить брату жить вместе с ними. На первое время деньги у Марьям были – они могли бы снять жильё побольше. А потом Аллах снова бы что-нибудь придумал. Марьям молилась искренне и горячо, а однажды заметила, что рядом с ней стоит на коленях брат и тоже молится, закрыв глаза. Она взгляделась в него, и у неё защемило сердце. У этого красивого светловолосого мальчика никого в целом свете не было, кроме неё, а в сердце жил страх остаться одному, никому не нужным. Марьям, почувствовав его огромную боль и этот страх, порывисто обняла брата и выдохнула:

– Аллах услышал твои молитвы, я никогда не оставлю тебя!

Наутро она позвонила директору и попросила встретиться. Увиделись они в кафе, где были детские аттракционы, и брат, отвлекшись, дал им поговорить. Марьям рассказала директору ситуацию с братом и попросила совета.

– Я уже никогда не смогу оставить брата. Но я не знаю, что мне делать, если Амир откажется принять его. Я никогда не пойду против его воли... У меня, кроме вас, нет взрослых, кому я могу рассказать всё это. Что же мне делать?

Директор долго молчал, потом произнёс:

– Через два дня я лечу по делам в Стамбул. Дай мне телефон Амира, я постараюсь уладить это дело.

– Как?

– Получится – сама узнаешь. Зачем заранее говорить?

– Амир приревновал меня к вам, когда вы помогли с кольцами. Не случится ли хуже?

– Я постараюсь, – улыбнулся директор. – И потом – я старый.

Марьям внимательно посмотрела на него. Старой была Ася хала, пожилой была бабушка, а перед ней сидел седой человек с чистым гладким лицом и молодыми глазами.

– А сколько вам лет? Я про вас ничего не знаю.

– Мне уже сорок шесть. В Германии есть жена и два сына. Парни учатся, младший в бизнес-школе, у него хорошая деловая хватка, уже три года он помогает мне в бизнесе. А старший, – мужчина улыбнулся, – музыкант. Оканчивает консерваторию, но мечтает стать артистом. Он красавчик, даже не знаю, в кого такой пошёл. Возможно, в соседа.

Марьям удивленно вскинула глаза.

– Я шучу. А здесь у меня тоже есть жена. И дочка. Ведь мусульманам разрешено иметь несколько жен.

– А они знают друг о друге?

– Да, конечно. Зачем скрывать? Но они так далеко друг от друга, что им и в голову не приходит ревновать.

– Удобно, – усмехнулась Марьям. – Но я сразу умру, если Амир захочет ещё кого-то. Не от ревности, от отчаяния... А вы... Вы говорили...

– Что я женился бы на тебе? Это серьёзно. Но на тот момент ты была несовершеннолетней, а потом было уже поздно.

Марьям опустила глаза. Она впервые словно увидела себя со стороны – не простую девчонку из пригорода, а молодую привлекательную женщину, которая может нравиться. А из глаз внезапно хлынули слёзы.

– Я тебя обидел? Хотя нет, ты что-то неожиданно поняла, так? – Марьям кивнула, не поднимая глаз. – Ты совсем не знаешь себя, но придёт время, и ты поймёшь, какой драгоценный бриллиант твоя душа и ты сама.

Марьям заплакала ещё горше, закрыв лицо руками.

– Не реви. А то брат подумает, что я тебя обижаю. Тебе нужно отдохнуть и больше думать о ребёнке. Кстати, ты здесь обращалась уже к врачу? – Марьям отрицательно покачала головой. – Запиши телефон моей жены. Я её предупрежу, она отведёт тебя к хорошему врачу. Первая беременность, нужно быть очень осторожной.

– Спасибо, – прошептала Марьям, беря листок с номером, – я не знаю...

– Стесняешься? Подумай о ребёнке и вся неловкость уйдёт. Делай, что говорю. Так как здесь больше никому, мне придётся взять за тебя ответственность.

– Спасибо, – улыбнулась молодая женщина, – мне предупредить Амира?

– Делай, как считаешь лучше. Я пойду. Кстати, я заказал вам обед. Покорми брата и сама поешь, – поднялся мужчина. – И не реви больше.

Каждый вечер Марьям и Амир подолгу разговаривали в скайпе. Она в ролях рассказывала ему всё до самых мелких подробностей своей жизни, о чиновниках в социальных инстанциях, соседях и редких встречах с подругами. После смерти бабушки в посёлке сначала жалели беременную Марьям – такая молодая осталась без родни, с малолетним братом на руках, муж – студент без копеечки, свекровь – ещё та штучка. Но вид Марьям был вызывающе спокоен – она ходила с поднятой головой, выставив вперёд выросший живот, на губах – неизменная улыбка, мечтательный взгляд обращен внутрь себя, в руке – рука братика, прижимавшегося к ней. Она никому не жаловалась, а горе её растворилось в радости ожидания ребёнка. Увы, люди не любят счастливых, и многие стали сторониться молодой женщины.

Директор вернулся из поездки и сказал, что всё уладил, она может спокойно лететь в Стамбул с братом. На все её расспросы он говорил, что в Турции её ждёт сюрприз. Но странно, с его возвращением Амир перестал отвечать на звонки Марьям, и сам не звонил. Она отправляла сообщения и в скайп, и на почту, но он даже не просматривал их. Марьям места себе не находила, набирала его мобильный, однако тот был отключён. Накануне сорокового дня со смерти бабушки Марьям почувствовала себя плохо. Она прилегла на кровать и провалилась в глубокий обморок, а когда очнулась, была вся крови. Брат в слезах стоял на коленях у кровати и держал её за руку:

- Сестра, сестра, не умирай!
- Дай телефон, – попросила она.

Директор примчался вместе со скорой и направил её в лучшую клинику. Брата взял на руки и просто объяснил:

– Она рождает ребёнка, поэтому её сейчас отвезут в больницу. Так всегда делают. Не бойся, всё будет нормально. А ты пока поживёшь у меня. Согласен? – мальчик кивнул и прижался к его плечу.

В больнице Марьям сделали кесарево сечение, ребёнка удалось спасти. А Марьям металась в жару и повторяла:

- Нене, я не хочу с тобой идти... Оставь меня, я не могу... Не могу... не могу... Но, видно, бабушка не захотела расстаться со своей любимой внучкой.

Эпилог

Директор усыновил брата Марьям, а когда Амир по жёсткому настоянию матери отказался от сына, усыновил и его. Мальчика назвал Иса – в честь пророка, который тоже был сыном Марьям

Амир долго лечился от депрессии, потом оставил университет и уехал в Австралию. Там женился и стал работать на бензоколонке. Науками заниматься больше не захотел.

Свекруха Марьям вместе с младшим сыном остались в Турции. Об их судьбе ничего не известно.

В домике бабушки в пригородном посёлке поселилась молодая семья. Они познакомились в сиротском приюте, а окончив школу, поженились. Директор подарил им дом с условием – дочку назвать Марьям. На воротах дома смешными детскими буквами написано:

VILLA MARYAM – ВИЛЛА МАРЬЯМ

А в маленьком дворике в песочнице играет новая Марьям.